

**Хождение по мукам,
или
в каких условиях выпускникам 1972 года приходилось развивать химию
в СССР, а затем и в России**
(третья часть презентации на День Химика 13 марта 2017 года)

Константин Попов

Мне довелось за 45 лет вести научные исследования в лучшем университете страны (1967-1975, родной химфак МГУ), в академическом институте (Институт физической химии АН СССР, 1976-1980); в далеко не лучшем московском пищевом ВУЗе (МТИПП, 1980-1986; и МГУПП; 1994-2013), в отраслевом НИИ Минхимпрома (ВНИИ ИРЕА, 1986-1994), в российской частной малотоннажной химической компании (ПАО Научный центр Малотоннажная химия, 2013-н/вр), в престижном швейцарском университете (Цюрихский технический университет, 1984-1985), в частной инновационной американской компании (ISOTRON, Новый Орлеан, 1994, 1996), в одном из лучших университетов Финляндии (Университет Оулу, 1996-2012), а также по совместительству - в IUPAC (член комиссии, секретарь комиссии 1989-2001; руководитель проекта, 2002-2006). Участвовал в выполнении в качестве исполнителя и руководителя двух проектов Департамента энергетики США, двух проектов МНТЦ/ISTC, серии грантов РФФИ, проектов IUPAC, и руководил двумя крупными проектами в рамках ФЦП. Поэтому мне есть, что и с чем сравнивать.

В целом, по цитируемости мы уступаем своим зарубежным ровесникам. Тут сказывается и языковой барьер, и «железный занавес» и позднее время выхода из-за него, и чудовищные административные препоны в СССР, а также непоследовательная, а временами просто предательская политика Правительства РФ. В СССР мы «варились в собственном соку», выезд за рубеж на научную конференцию был чем-то чрезвычайным и доступным только узкому, проверенному компетентными органами кругу, а написание статьи в зарубежный журнал – маленьким подвигом.

Научную работу, что в СССР, что в современной России, можно кратко охарактеризовать как хождение по мукам. Иными словами, по беговой дорожке научного прогресса мы все бежали в мешках, а наши зарубежные коллеги – в кроссовках. Но если бы их поместить на наше место, то вряд ли бы они сделали даже то, что всё же удалось нам.

В 1989 году, уже при Михаиле Горбачёве, я решил написать свою первую самостоятельную статью на английском языке в журнал Magnetic Resonance in Chemistry, будучи ведущим научным сотрудником института химических реактивов - ВНИИ ИРЕА. Оказалось, что для этого нужно собрать экспертный совет НИИ, который удостоверит, что статья не раскрывает государственных тайн. Ну, меня в ИРЕА все знали, и дали такое

заключение не глядя и не читая, поскольку английским языком там всё равно никто толком не владел. Но дальше нужно было зачем-то сделать 4 копии на русском языке и направить их вместе с оригиналом и сопроводительным письмом, подписанным директором ИРЕА в международный отдел Главка – Союзреактива. Там её неспешно смотрели и переправляли с сопроводительным письмом уже от имени начальника Главка в Министерство Химической промышленности СССР, также в международный отдел. Там её тоже некоторое время мариновали, и переправляли с сопроводительным письмом уже заместителя министра на имя начальника Главлита с просьбой дать добро на публикацию. В Главлите материалы мариновали ещё некоторое время, после чего «добро» выдавалось, и все материалы тем же путем через Главк и Министерство возвращались обратно с визой Главлита. Только после этого я мог не лично, а через иностранный отдел ИРЕА отправить по почте статью в Цюрих, где тогда располагалась редакция журнала. Полгода уходило на подобную канитель. Где уж тут угнаться за зарубежным конкурентом. Только сейчас оцениваешь, как далеко мы от этого ушли. Сегодня я пишу статью и с домашнего компьютера, ни с кем не согласовывая, отправляю прямо в редакцию любого зарубежного журнала.

Но этого мало, из-за параноидальной боязни самиздата все копировальные установки в ИРЕА, да и других НИИ, были собраны в спецпомещениях, и на то, чтобы сделать себе из журнала в собственной библиотеке копию статьи нужно было заполнить специальный бланк за подписью заведующего отделом, отдать статью на копирование, и получить копию на следующий день. Причем существовал лимит на число страниц от отдела. Я уж не говорю, что заказ нужного реактива необходимо было делать за год вперед, тогда, как твой зарубежный коллега получал его если не в тот же день, то в крайнем случае через неделю. В результате в каждой лаборатории накапливался огромный объем ненужных реактивов, заказанных впрок. По существу происходило омертвление ресурсов.

Выехать из академического или отраслевого НИИ за рубеж на международную конференцию в капстрану с докладом и пообщаться с зарубежными коллегами было для молодого специалиста в СССР равносильно полёту на Луну. Ездили буквально единицы хорошо проверенных кадров. Для выезда необходимо было добиться выделения дефицитной валюты на командировку, пройти районную парткомиссию, комиссию партийных ветеранов, инструктаж сотрудников комитета Госбезопасности. Загранпаспорт на руки не выдавался, а хранился в профильном ведомстве. Его вручали владельцу за день-два до выезда, нередко – в самый последний момент. При этом в нем обязательно проставлялась не только въездная, но и выездная виза. Суточные составляли около 7 долларов, а купить дополнительную валюту за рубли в СССР было тогда невозможно. В ресторан на это не пойдёшь, поэтому все везли с собой копченую колбасу и консервы. Я чувствовал себя очень неловко, когда комиссия IUPAC шла в перерыве между заседаниями обедать и продолжать дискуссии в ближайший ресторанчик, а мне приходилось делать вид, что я не голоден, или что у меня на это время назначена важная встреча. Сейчас, конечно, ситуация кардинально изменилась. Это один из немногих

положительных моментов Ельцинского периода. Справедливости ради нужно отметить, что СССР на государственном уровне поддерживал академические обмены между ВУЗаами. Поэтому, если младшему научному сотруднику НИИ путь на Запад был практически закрыт, то ассистент ВУЗа в возрасте до 35 лет мог получить право на 10-месячную стажировку в любом университете мира в рамках академического обмена. Разумеется, если он докажет своими работами, что именно ему следует ехать именно туда. Я в своё время, будучи ассистентом пищевого ВУЗа, такой возможностью воспользовался, и оказался в Цюрихе. Попасты туда из НИИ АН СССР или Минхимпрома у меня не было ни единого шанса.

Про оборудование я уж вообще молчу. В Цюрихе в 1984-1985 г.г. во время десятимесячной стажировки в тамошнем техническом университете в моем распоряжении были два мультядерных фурье-спектрометра ЯМР (по тем временам это было круто), любое другое исследовательское оборудование и любые реактивы с немедленной доставкой. В Москве у меня ни в ИРЕА, ни в МГУПП не было ничего. Выручали финны. Я 15 лет (с 1996 по 2012) работал «вахтовым методом»: в летние каникулы ездил по их приглашениям в университет Оулу на 1-2 месяца, там ставил все эксперименты, а потом весь год обрабатывал данные и публиковал статьи. Сейчас ситуация в России в целом улучшилась, в ВУЗах появилось современное оборудование, но оно простаивает, так как профессорско-преподавательскому составу по всей стране одновременно взвинтили учебную нагрузку до такой степени, что им стало не до науки. Воистину, правая рука не ведаёт, что делает левая. При этом, как водится, ВУЗы средств на обслуживающий персонал не выделили, и дорогостоящие японские электронные микроскопы, малверновские приборы лазерного динамического рассеяния, атомно-силовые микроскопы и иные атрибуты нанотехнологий мирно пылятся в полупустых лабораториях. Приятные единичные исключения в виде химического факультета МГУ, МФТИ, МИФИ, общей довольно безрадостной картины не меняют.

Про зарплаты и говорить нечего. Мы все через это проходили. Когда я в середине 90-х озвучил в долларах финнам мою зарплату профессора, доктора наук, они не поверили, и переспросили, не ошибся ли я с количеством ноликов. В Москве, во ВНИИ ИРЕА, уже будучи доктором наук, старшим научным сотрудником, я вынужден был во время Гайдаровской «шоковой терапии» и гиперинфляции в 1992 году частным образом нашими же реагентами (дифалон) отмывать вместе с коллегой, выпускником химфака 1975 года, водогрейные котлы на Московской ситценабивной фабрике возле Павелецкого вокзала, а на вырученные деньги содержать семью и оплачивать съёмку спектров ЯМР для научных исследований. После фабрики был Хамовнический пивзавод, где мы также частным порядком подбирали составы для отмывки пивного камня. Заработали мы там не сильно, но жбан свежего, действительно живого пива, отобранного прямо при нас, я до сих пор вспоминаю с нежностью. Ни до, ни после я ничего подобного не пробовал. В это же время моя жена Ирина, доцент Менделеевки, в свободные от лекций и «лабораторок» часы подрабатывала развозом ценников по магазинам. Какая уж тут конкуренция. Именно скотское отношение правительства к ученым заставило многих из нашего выпуска

эмигрировать. Россия потеряла многих блестящих ученых, в том числе - из нашего выпуска. Только в нулевые ситуация стала медленно выправляться. Появились сначала небольшие гранты РФФИ, потом и крупные проекты ФЦП. Однако и сейчас в РАН зарплаты совершенно неадекватны квалификации ученых. То, что существующие зарплаты ученых фиктивно начинают называть четвертью ставки, является очередной аферой, так как рабочая неделя при этом не сокращается. В ВУЗах также за те же деньги заставляют вести большее количество студентов (переполнение групп) и большее количество часов.

Но и это ещё не всё. Если бы в Кембридже, или Сорбонне, или в Стэнфорде профессорам дали годовую аудиторную нагрузку в 500 – 700 часов, как это было повсеместно в СССР, а затем, как в нынешней России довели бы её 900 часов (а кое-где до 1000!), то наука там просто «приказала бы долго жить», а профессура разбежалась бы. У финнов нагрузка доцента в 600 часов считается несовместимой с научной работой. Преподаватель может выбирать, совмещать преподавание с научной работой, или заняться только преподаванием. У нас же Минобрнаука бездумно требует от всех без исключения преподавателей статей в SCOPUS при учебной нагрузке в 1000 часов. Даже в Алжире профессор имеет не более 150 часов в год. При этом по всей стране посокращали ставки лаборантов. Профессор рядовой химической кафедры вынужден сам себе готовить рабочие растворы для студенческих работ. Даже в эпоху Сталинизма такого и помыслить было невозможно. По сути это - конец российского высшего образования. Когда мне в МГУПП в 2013 году объявили нагрузку на следующий учебный год в 960 часов, я понял, что текущий Грант РФФИ выполнить не смогу, и ушел работать в химическую компанию, где мне такую возможность предоставили. Тем не менее, и вопреки всему, в СССР и современной России мы и преподавали и ставили эксперименты, и получали очень приличные результаты. Правда, непонятно, как долго это может продолжаться. На голом энтузиазме государственную политику не построишь.

Но и это ещё не всё. Если в СССР с подпиской библиотек на зарубежные журналы пролем не было, то в России с 1993 года научную периодику было трудно достать даже в центральных библиотеках Москвы (например, ГПНТБ), а современных поисковых систем и электронных версий статей тогда не было. Меня выручали всё те же финны. Наезжая раз в год в Университет Оулу я там набирал всю литературу, отслеживал последние достижения, и ставил эксперименты на их оборудовании. Этого хватало до следующей поездки. Один раз при пересечении границы из Финляндии в Россию ко мне прицепилась наша таможенница, решив, что в таком тяжелом чемодане должна быть контрабанда. Она была шокирована тем, что весь чемодан забит ксерокопиями статей и моментально от меня отстала (тогда ещё не было электронных версий публикаций). Вот так и жили. Теперь это кажется кошмаром.

Разумеется, молодых аспирантов и докторов Сорбонны и Кембриджа никто никогда не посылал перебирать гнилую картошку на овощных базах Лондона и Парижа, или копать её вилами из под снега как это делали мы в 1973 году, будучи аспирантами, или всё лето помогать местным фермерам по хозяйству, как это регулярно делали,

например, сотрудники Института физической химии АН СССР в совхозе под Озёрами Московской области.

Наконец, нельзя не упомянуть о чудовищной некомпетентности российских администраторов от науки и образования. Общеизвестно, что главными российскими бедами являются дураки и дороги. Но настоящая беда приходит тогда, когда дороги ученым и педагогам начинают указывать дураки, совершенно незаслуженно наделенные административными полномочиями.

В МГУ, МФТИ, ВШЭ, Курчатовском институте эта проблема чувствуется не так остро, но на уровне отраслевых НИИ и отраслевых ВУЗов, как в Москве, так и на периферии административный беспредел и некомпетентность убивают или уже убили всякую науку на корню. Ни о какой конкуренции с Европой, США и Японией там не приходится и мечтать. И всё это происходит не в лихие 90-е, а здесь и сейчас.

Приведу два только примера из собственного опыта. В 2009 году министерство образования и науки навязывает московскому пищевому университету МГУПП не имеющего никакого представления ни о пищевых технологиях, ни о преподавании, нового ректора, тридцатилетнего дважды доктора наук (медицина и экономика) из Ставрополя, Дмитрия Еделева. Обе докторские диссертации защищены им с интервалом в один год. Юное дарование только что за некомпетентность и развал работы было изгнано с поста председателя Ставропольской краевой Думы. Но поскольку оно являлось по счастливой случайности сыном заместителя министра внутренних дел генерала А.Еделева, принимается решение именно ему дать порулить пищевым образованием России.

О соответствии Дмитрия Еделева уровню дважды доктора наук нетрудно судить по пищевым учебникам, которые он, не будучи специалистом в этих вопросах, тут же начинает писать в невероятных количествах. Вот цитаты из его учебного пособия «Биохимические процессы обмена веществ в жизнедеятельности живого организма». М.: МГОУ, 2011. Цитата со стр. 66: «После ряда исследований выявлено, что эмоции – волновые гены –кардинально изменяют структуру воды, а ведь человеческий организм состоит из неё на 80%. Под действием слов, сказанных на высоком эмоциональном уровне, молекулы воды могут выстраиваться в сложные конгломераты, меняющие её свойства». Комментарий: Получается, что все измерения свойств воды, выполненные Человечеством и вошедшие в справочники фундаментальных физико-химических величин (удельная и мольная теплоемкости, теплопроводность, диэлектрическая проницаемость, удельная и мольная электропроводность и др.) зависят не только от температуры и давления, но и от эмоций лаборанта, их измеряющего! Стоит ему прикрикнуть на воду, и она свои свойства поменяет. И этот бред высказывается не в частном порядке, а в учебном пособии для инженеров Высшей школы. Дальше – больше. Чуть ниже на той же странице читаем: “Установлено, что состояние воды меняется не только под влиянием, но и в результате человеческого мышления. Проведено более 500 опытов с разными людьми, и, в зависимости от их внутренних установок, вода изменяла

свои свойства в ту или иную сторону. При этом менялась и электропроводность ..». Комментарий: оказывается на воду можно не только прикрикнуть, но и что-то нехорошее подумать, чтобы она изменила такую фундаментальную характеристику, как электропроводность! Но и это, оказывается, не предел. На той же стр.66 читаем (оригинальная орфография авторов сохранена: «Дальнейшая расшифровка структуры воды показала: «память воды» - долговременная: каждое следующее воздействие не «стирает» прежнюю информацию, но привносит в состояние воды что-то новое. То есть вода представляет собой иерархически организованную среду, некий биокомпьютер с запоминающим устройством и передатчиком. Следует отметить, что вода нейтральна к качеству информации: запоминает и «дурную» и «хорошую»). Комментарий: получается, что вода, испущенная в виде мочи каким-нибудь отморозком, попадает в канализацию, далее в очистные сооружения, испаряется, собирается в облака, проливается дождем, фильтруется через почву, попадает в колодец, а потом - на стол к нам с Вами, но при этом всё время помнит, что была мочой этого самого отморозка, да еще испущенной в момент его дурного настроения. И это утверждает дважды доктор наук ?! Цитата со стр.69: «Из химии известно, что любая жидкость является электролитом. Вода – один из самых чистых электролитов, в ней есть определенное количество металлов и минеральных веществ». Комментарий: Во-первых, дважды доктору наук оказывается неизвестно, что далеко не любая жидкость является электролитом, поскольку на свете есть ещё такие жидкости-неэлектролиты, как нефть, керосин, бензин, ацетон, хлороформ, бензол, толуол, октан. Так что это утверждение просто ложное. Во-вторых, металлы как раз и относятся к минеральными веществам. Поэтому противопоставление металлов и минеральных веществ свидетельствует о полной некомпетентности автора и в данном вопросе.

Наконец, на стр.70 запечатлён «шедевр», достойный Шнобелевской премии. Цитата: «В самоваре вода постоянно кипит, она становится «живой». И в чайном блюдечке она «живой» остается. Если пить из чашки, то вода начинает полимеризоваться и становится бесполезной, а то и вредной, т.е. «мертвой»). Комментарий: В этом абзаце авторы утверждают, что вода при одной и той же температуре и внешнем давлении будучи налита из одного и того же сосуда (самовара) в блюдечко и чашку будет обладать разной степенью «полимеризации», а следовательно – разными физико-химическими свойствами: поверхностным натяжением, вязкостью, диэлектрической проницаемостью, и т.д. Таким образом, все современные физико-химические константы для воды нужно пересмотреть и в любом справочнике приводить по два значения: для чашки (химический стакан) и для блюдца (чашка Петри). В общем, такого наукообразного бреда мне, честно говоря, в жизни встречать еще не приходилось. Дважды доктора наук не смущает, что основные положения, декларируемые им, прямо противоречат всем известным законам фундаментальных наук, на которых стоит наш с Вами мир.

Но этого мало, господин Еделев рвётся на Центральное телевидение учить всю страну пищевым технологиям, которыми сам не владеет, и начинает мелькать на всех телеканалах в качестве единственного эксперта от МГУПП. Но телевизор сыграл с Дмитрием Аркадьевичем дурную шутку. Возможность вещать на всю страну, а не только на зал регионального парламента, произвела в нем странное превращение. Зная, что

теперь его смотрит и слушает вся Россия, он не только перестал контролировать свои высказывания, а наоборот, с видом умного человека и обличителя во всеуслышание начал городить чушь, по пути придумывая подробности в стиле Хлестакова. Каждое появление Еделева на телеэкране сопровождалось чудовищным потоком глупости и откровенной лжи. Благодаря ему страна узнала, что Ломоносов и другие Великие были не правы, развивая атомно-молекулярную теорию, потому что метаболизм синтетического глутамата натрия отличен от метаболизма натурального; о том, что пальмовое масло не переваривается нашим организмом, словно это и не смесь привычных триглицеридов; что ГМО вредно, но нам не сказали почему. Еделев с упрямством Петрика красочно описывал несуществующие ужасные подробности пищевых технологий и неприемлемо низкое качество любой пищевой продукции, словно не он является ректором Университета Пищевых Технологий. Эта глупость не скрывалась, она при любом случае выставлялась напоказ.

Но всё это ещё можно было бы пережить. Параллельно новый ректор взялся энергично рушить и учебный процесс, и научную работу. Сразу по назначении на должность ректора МГУПП он тут же начал наводнять университет такими же, как он сам малограмотными, некомпетентными профессорами, преимущественно с Юга России, ставя их на все ключевые посты. Но подбирать себе дельную команду этот «менеджер» от высшего образования оказался неспособен. За пять лет ректорства господина Еделева в МГУПП им были назначены проректорами и вновь сняты 18 человек. Под отдельных «деятелей» специально создавались дополнительные должности «проректора по кадрам» или «проректора по информатизации». Каждый из них что-то начинал делать, затем бросал на половине дороги и исчезал, не доведя начатое до конца. Такая же кадровая чехарда шла в отношении институтов (факультетов) и ведущих кафедр. Излишне говорить, что вся эта свора некомпетентных и несостоявшихся менеджеров вела себя чрезвычайно заносчиво, вызывая, и по-хамски по отношению к настоящим профессионалам-пищевикам, на которых они всего лишь паразитировали. О какой преемственности и о каком развитии здесь может идти речь? Университет был превращен в отстойник для временщиков, которым надо где-то пересидеть в ожидании более теплого местечка. И сам университет, и его традиции, и его профессура им глубоко безразличны. Вся эта кадровая чехарда боком вышла и преподавателям, и студентам и стране в целом.

Само собой разумеется, что никому из нового Руководства МГУПП не было дела до главного - того, кто, как и чему учит студентов. Учебный процесс был полностью дезорганизован, а учебные планы – исковерканы. Физическая химия, где широко используют интегральные уравнения, начала преподаваться раньше, чем интегральное исчисление на кафедре математики. Число часов на коллоидную химию сначала сократили, а потом и вообще перестали читать этот главный для пищевиков химический предмет. Нынешние студенты понятия не имеют ни о поверхностно-активных веществах, необходимых в производстве майонеза и хлеба, ни о физико-химических основах консервирования, ни об основах получения спирта-ректификата. Преподавателей естественного цикла почти поголовно сократили. Если до Еделева на кафедре высшей

математики работало около 15 человек, преподававших её три семестра, то в 2013 году остался всего один преподаватель, укладывающий весь курс высшей математики в 9 лекций, и один физик. И это – в инженерно-техническом ВУЗе!

На кафедре гуманитарных дисциплин досокращались до 3 преподавателей. Кончилось дело тем, что кафедры физики, математики и гуманитариев объединили в абсолютно нежизнеспособного монстра - кафедру "Физико-математические и общественно-гуманитарные дисциплины" с заведующим – историком по образованию. Стало нормой, когда преподаватель вынужден вести в одиночку занятия одновременно в двух аудиториях на разных этажах, или когда он назначается экзаменовать одну группу дневников и вести в это же время лабораторки в другой группе у заочников; что положительную оценку нужно ставить всегда вне зависимости от уровня знания студента; когда вместо уволенных преподавателей многие предметы ведут совершенно неподготовленные аспиранты; когда качество обучения никем не контролируется, а положительные оценки часто ставятся просто за приход студента на занятия. С расписанием наступила полная неразбериха. Обычным делом стали постоянные переносы, отмены пар, отсутствие преподавателей (больше месяца единственный преподаватель по физике в МГУПП болел, и занятия иногда проводил за него студент-вечерник).

Основная беда здесь еще и в том, что толковые профессора Еделева тоже не устраивали. Они имеют свое мнение, а этого он не терпит. Поэтому, МГУПП за четыре года его ректорства понес действительно невосполнимые потери. Уволили одного из лучших в России специалистов по БАДам, разогнали уникальную школу математиков мирового уровня, вышвырнули прекрасного профессора-винодела, выдающегося специалиста по технологиям хлебопечения, «выдавили» лучшего профессора-пивовара. Все эти люди – настоящая элита пищевой отрасли. Вместо них студентам сейчас преподают люди совсем не того уровня и компетенции.

При этом аудиторная нагрузка на преподавателей была в 2013 году увеличена на 30% до 1000 часов, группы студентов объединены по 35-40 человек, а зарплата преподавателей не изменилась и осталась в пределах 15 тыс. у доцента и 20 тыс. у профессора, хотя в Министерство шли рапорты о средней зарплате преподавателя в 45 тыс. рублей и выше. Понятно, что при такой организации дела уровень преподавания и уровень знаний студентов упали «ниже плинтуса».

Примечательно, что на фоне сокращений преподавателей и полной дезорганизации учебного процесса по профильным дисциплинам, ректор в духе Остапа Бендера начал развивать совершенно непрофильные для МГУПП направления (фирма «Рога и копыта», а также Нью-Васюки – отдыхают). Появилась завиральная кафедра «СОВРЕМЕННЫЕ ТОРГОВЫЕ ОПЕРАЦИИ СЕВЕР-ЮГ», где заведовать стал сам Еделев, и куда нагнали полтора десятка преподавателей, якобы преподававших 102 (сто две!!!) учебных дисциплины. В 2010 году возникла также кафедра ВТО (Всемирной торговой организации) и Интерпола во главе с шахматным экс-чемпионом мира и 1-м

заместителем Председателя Комитета по экономической политике, инновационному развитию и предпринимательству Государственной Думы РФ Анатолием Карповым, так и не выпустившая ни одного специалиста, но со своим небольшим штатом, получавшим регулярно зарплату. Сам господин Карпов не постеснялся на этом основании получить в 2015 году ведомственную награду "Почётный работник Высшего профессионального образования РФ".

В дополнение к этому в МГУПП появился целый медицинский факультет, не имеющий никакого отношения ни к пищевой промышленности, ни к обучению студентов: «Институт медико-социальных технологий». Для этого в небольшом корпусе на территории бывшей военной кафедры МГУПП разместили 18 кафедр, на которых проводится повышение квалификации специалистов с высшим и средним медицинским (фармацевтическим) образованием по 93 программам повышения квалификации от онкологии до венерических болезней. Почти все преподаватели-медики трудятся где-то ещё, а МГУПП является для них отхожим промыслом.

В 2011 году МГУПП объединился с Государственной академией инноваций (ГАИН) и Московским государственным университетом прикладной биотехнологии (МГУПБ) и неумная активность Еделева по полной программе распространилась и на них.

Излишне говорить, что средства, выделяемые Министерством на фундаментальные исследования, тратились на непрофильные гуманитарные проекты самого Ректора и его окружения, а штатные научные сотрудники были почти поголовно сокращены. Уникальное, новенькое научно-исследовательское оборудование, включая единственную в России пищевую нанолaborаторию и единственный в стране изотопный масс-спектрометр общей стоимостью порядка 50 млн рублей, лишенное обслуживающего персонала, вынуждено было простаивать. В этих условиях мне приходилось завершать Проект ФЦП по пищевым нанотехнологиям. Излишне говорить, что все документы и отчеты ректор подписывал с огромными задержками, буквально «на флажке» и на моих нервах. Ему было не до этого. Для него и МГУПП и Анатолий Карпов были лишь мелкой разменной монетой на пути, как он думал, на самый верх... Страшно подумать, что бы он там натворил. Хорошо, что вовремя остановили.

**Доктор экономических и медицинских наук
Дмитрий Аркадьевич Еделев**

**Фото, размещённое в Яндексе, Лето 2014.
Слева направо: Д.Еделев, А.Карпов (стоит спиной) и Президент РФ.**

Глядя на портрет дважды доктора наук невольно вспоминаешь бессмертные строки Роберта Бернса:

*Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец - плут.*

Когда в 2013 году ректорат МГУПП полгода отказывался без объяснения причин выплачивать переведённые мне РФФИ деньги по моему же проекту, и одновременно взвинтил мне учебную нагрузку до 960 часов, моё терпение лопнуло. Я вынужден был оставить кафедру, которой заведовал 15 лет, и созданную мною в МГУПП нанолабораторию, уволиться, и начать на седьмом десятке всё создавать заново и на новом месте, полностью сменив в очередной раз тематику исследований. Только в 2015 году Министерство, наконец, спохватилось. Проректор МГУПП по учебной работе госпожа Кальницкая прогремела на всю страну в телесюжете, где её подловили на предложении заплатить миллион, и абитуриент получит диплом, даже не появляясь в университете. Ректора публично на российском втором канале ТВ называли, наконец, «клоуном», и после скандала Министерство Дмитрия Еделева, всё-таки уволило. Шахматный чемпион немедленно из МГУПП испарился вместе со своей виртуальной кафедрой.

В определённой степени такая смелость объясняется тем, что Еделев-папа утратил доверие Президента РФ, и был отправлен в отставку. Но дело было сделано. Два пищевых университета уничтожены, уникальное оборудование обречено на бездействие, кадры разбежались. При этом в МГУПП пострадали также попавшие под сокращение наши однокурсницы Наташа Котова и Таня Буданцева. Никто за это ответственности не понёс. Еделева на посту ректора на три года сменил кандидат юридических наук, также ничего не смыслящий в пищевых науках. Он сократил последнего штатного научного сотрудника. Воз высшего пищевого образования и ныне там. И это отнюдь небезобидно. Пищевой университет штампует сейчас горе-специалистов в промышленность, продукция которой попадает всем нам на стол.

В августе 2017 года вместо юриста ректором назначен очередной «золотой мальчик» тридцатичетырёхлетний доктор экономических наук некто Балыхин Михаил Григорьевич. Новый «молодой эффективный менеджер» смыслит в пищевых технологиях не более, чем Еделев. Как и Еделев, он тоже преподаванием себя не очень утруждал, ни одного нового лекционного курса не разработал и не прочитал, но к 34 годам уже успел в Высшей школе поруководить: поработал после защиты кандидатской диссертации сразу ректором Государственной академии славянской культуры, а затем Проректором по международной деятельности МГУДТ. Публикуется в третьесортных журналах. В статьях учит всех, как нужно строить преподавание и инновации в высшей школе, хотя сам ничего никогда не внедрял, и ничего толком не преподавал. По странному стечению обстоятельств некто Балыхин Григорий Артемович до недавнего времени был депутатом Государственной Думы РФ двух созывов, где работал в комитете по образованию и науке. По не менее странному стечению обстоятельств карьерный взлёт сына на руководящие

посты приходится на активный период работы папы в Думе. Всё, как у Еделева. Шоу продолжается! Всё это происходит не в феодальном средневековом анклаве, а в XXI веке, в стране космонавтики и Нобелевских лауреатов.

Излишне говорить, что ни в одном Западноевропейском, американском или японском университете такое себе представить невозможно. Там всё-таки предусмотрена многоуровневая «защита от дурака» со связями. А мы в этой реальности живём и пытаемся что-то создавать.

Второй пример относится к старейшему российскому НИИ, учреждённому одним из последних указов императора Николая II – ВНИИ ИРЕА. В этот химический НИИ в 2003 году директором ни с того ни с сего, с должности замруководителя департамента промышленности и связи в Министерстве имущественных отношений назначается не имеющий никакого химического образования тридцатилетний доктор экономических наук, выпускник Ярославского высшего военно-финансового училища некто Алексей Алякин. Правда, маменька господина Алякина Лидия в это время по счастливому стечению обстоятельств работает зампредом главного управления ЦБ РФ по Москве, а старший брат Андрей - в структурах ЦБ. Дирекция ИРЕА тут же наполняется не имеющими никакого отношения к химии неграмотными деятелями. Заместителями директора становятся не имеющие никаких ученых степеней и званий географ по образованию Роман Санду и выпускник Ярославского высшего военно-финансового училища некто Андрей Глушко. Последний гидроокись калия называет «кон» (не КОН, а именно «кон»!). Химики изгоняются как из дирекции, так и из ИРЕА. Их вообще за людей не считают. Гениальный управленец Алякин тут же распоряжается пустить под нож уникальные особо чистые зоны Института, чтобы сдать освободившиеся площади в аренду. Даже в самые тяжелые девяностые годы руководство института их сберегло, поскольку работа с особо чистыми реагентами могла вестись только там, а особо чистые вещества для микроэлектроники всегда определяли лицо этого НИИ. Спустя несколько месяцев после этой операции в ИРЕА приходит Госзаказ на особо чистые вещества, но выполнять его уже негде! Его бы предать суду за нерадение, а Правительство его награждает медалькой за развитие химической промышленности. Одновременно начитается вакханалия по изгнанию ученых. Я тогда работал там, заведую лабораторией на условиях совместительства и без оплаты, а также был членом диссертационного совета. Мою аспирантку снимают с защиты после рассылки автореферата без каких-либо объяснений, а мне предлагают немедленно уволиться. Хамство дирекции зашкаливает. Поглумившись над химиками ИРЕА пять лет, Алякин отправляется руководить НИФХИ имени Карпова, оставив на хозяйстве географа и юриста. В НИФХИ его, наконец, останавливают, и окончательно изгоняют из химии. Сейчас против него возбуждено уголовное преследование, и он находится в розыске по резонансному делу о банкротстве банка «Пушкино». Однако, ИРЕА уже не восстановить. Институт полностью деградировал, а его остатки переданы в ведение Курчатовского института. Вот с таким «эффективным» научным менеджментом мне пришлось иметь дело.

Господин Алякин во всей красе. Роберт Бернс здесь не менее уместен.

Про тех, кто от имени Министерства образования и науки руководил научными разработками России в последние годы, я не могу вспоминать без содрогания. С 2009 по 2016 годы я вдоволь насмотрелся на них, дважды в год, защищая в качестве руководителя отчеты по своим мега-проектам в рамках ФЦП. Ни по деловым, ни по моральным качествам никто из них своим постам не соответствовал (я при этом не имею в виду службу мониторов, они – настоящие профи). При этом хамство и высокомерие этих господ по отношению элите российской науки беспрецедентны. Ни один из них и мизинца не стоит, тех, кем руководит, тем более, таких организаторов, как Витя Авдеев, но именно они «рулят» нашей наукой. За нашу великую Державу обидно до слёз! Невольно задумываешься, где бы мы были, если бы не временщики и проходимцы в нашем образовании и науке.

В заключении, я хотел бы добавить немного осторожного оптимизма. За последние годы в России всё-таки появились средние и малые химические компании, где можно заниматься хорошей химией. К сожалению их пока ещё очень мало, но они есть, и я сейчас нахожусь в одной из них. В 1989 году, ещё в СССР, выпускник МИТХТ, мой ныне покойный аспирант Андрей Вендило основал компанию ЭКОС-1, которая начала заниматься не перепродажей ширпотреба, а производством химических реактивов, в том числе – реактивов особой чистоты. Первые промплощадки арендовались, затем по мере роста оборотов Андрей вместо того, чтобы рвануть куда-нибудь на Канары, или пересесть на крутую иномарку, купил полуразрушенный цех завода «Акрихин» в Старой Купавне. Цех представлял собой эдакий двухэтажный коровник с выбитыми стёклами, худой крышей и искореженными, ни на что негодными, реакторами. Шаг за шагом коровник стали приводить в надлежащее состояние. Брали комнату, вычищали её, монтировали в ней оборудование, начинали выпуск реактива. Реактив продавали, на вырученные средства начинали ремонтировать следующую комнату. Так за 25 лет постепенно оформилось производство с номенклатурой в 430 наименований, годовым объемом выпуска 10 000 тонн, годовым оборотом 0.8 млрд руб., дающее рабочие места 500 сотрудникам в Москве и области. В 2012 году при ЭКОС-1 была создана дочерняя компания ПАО «Научный центр «Малотоннажная химия», сфокусированная исключительно на научных исследованиях в интересах основного производства. В эту компанию я и перешёл из МГУПП в 2013 году ведущим научным сотрудником. Занимаюсь

теперь разработкой ингибиторов солеотложений и коррозии для водооборотных систем, руковожу гранами и программами, оборудовал прекрасную нанолaborаторию. За последние три года в рамках Проекта ФЦП, нам удалось разработать серию из шести новых отечественных конкурентоспособных ингибиторов солеотложений и коррозии. Занимаюсь также выяснением механизмов действия ингибиторов. Там тоже удалось продвинуться довольно далеко.

Основатель компании Андрей Григорьевич Вендило

Один из четырёхсот продуктов

Цех в Старой Купавне

Химические реакторы в работе

Полупромышленные партии тех самых ингибиторов

Почти всё оборудование фирмы спроектировано и собрано руками нашего с Ириной сына Алексея – главного технолога фирмы

Пока в России существуют такие фирмы как наша и Вити Авдеева, остается надежда, что отечественная «малая» химия будет жить и развиваться.